

VASILENKO Irina Alekseevna, *Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor of the Chair of Russian Policy, Lomonosov Moscow State University (Leninskie gory, MSU, 1, Moscow, Russia, 19991; vasilenko.irina@mail.ru)*

THE ROLE OF PUBLIC DIPLOMACY IN THE IMAGE POLICY OF RUSSIA

Abstract. *The article discusses the role of public diplomacy in contemporary Russian policy of the «soft power» paradigm branding. The author stresses that the tools of public diplomacy were not fully used in promoting the image of Russia in world communication channels, and that reduces the efficiency of image policy. There is a need today to form a national strategy for public diplomacy at the state level, to create a central governmental body, which should coordinate the development of public diplomacy, realize a permanent activity in this area and monitoring of evaluation of the progress. Russia needs not only public, but also a state support of the public diplomacy. Just by implementing the professional approach to the public diplomacy it is possible to make the image policy of Russia effective.*

The article provides the analysis of the world's experience and prospects of the Russia's image in the aspect of «soft power». The author notes the importance of the fact that Russia's image policy should have cultural basis and include several main aspects, such as mass communication, public diplomacy, culture and sport.

Keywords: *image policy, public diplomacy, foreign image of Russia, «soft power»*

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич — *д.филол.н., главный научный сотрудник Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; oleg.yanitsky@yandex.ru)*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АКТИВИЗМ В РОССИИ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Аннотация. По мнению автора, метод массовых опросов не адекватен задаче изучения гражданского активизма.

Основываясь на своих многолетних исследованиях, автор утверждает, что этот активизм гораздо более разнообразен, динамичен в своей стратегии, тактике и репертуаре действий. Развитие информационных технологий является стимулом его дальнейшего развития. Несмотря на нарастающий процесс кодификации социального действия, низовой гражданский активизм в России развивается.

Ключевые слова: *государство, гражданский активизм, тактика и стратегия, методы исследования, публичное пространство, Россия*

Адекватен ли массовый опрос задаче? Массовые социологические опросы населения с целью выяснения места и значимости «общественного активизма» в жизни общества не являются адекватным этой задаче инструментом. Во-первых, население в своей массе выражает не собственное мнение (зачастую его просто нет), а оценки и отношения к этому активизму, «впечатанные» (*imprinted*) в его сознание СМИ. Современные массмедиа выполняют, по точному определению А. Арсеналт и М. Кастельса, функции «переключения» и «перепрограммирования» массового сознания в направлении, нужном для властных или влиятельных бизнес-структур [Arsenalt, Castells 2008]. Во-вторых, сети массовых опросов населения охватывают только доступные им слои и группы, среди которых нет ни военных, ни представителей других силовых структур, ни представителей крупного и среднего бизнеса и уж, конечно, нет представителей властных структур любого уровня — они для массовых опросов просто недоступны. В-третьих, излишняя регламентация (кодификация) сферы публичного массового социального действия (сложные процедуры его согласования, меняющиеся правила и ограничения), с одной стороны, вынуждает действительных гражданских активистов без крайней надобности «не светиться», а с другой — ограничивать доступ интервьюеров (квалификация которых именно как интервьюеров весьма низка) в свою среду, опасаясь их недобросовестности и просто непрофессионализма. В-четвертых, российское публичное пространство так устроено, что атрибуция респондентов выражается в обычном ряде (пол, возраст,

образование, профессия), тогда как для выявления уровня и форм гражданского активизма нужны именно шкалы, отражающие степень гражданской активности *всего* или *определенной части* населения. Это хорошо известно западным социологам [Nelissen 1991], но никак не учитывается отечественными исследователями. В-пятых, сами гражданские активисты и лидеры общественных движений в силу специфики своей деятельности заинтересованы, прежде всего, в распространении знаний об их деятельности в кругу им подобных, включая органы представительной и исполнительной власти. Прошедшие несколько раз «гражданские форумы» не стали площадкой для их взаимодействия и расширения их публичности. То же можно сказать и о деятельности большинства общественных палат в центре и на местах. Там идет борьба за гранты, а не за публичность. В-шестых, к инициированным и оплаченным государством общественным движениям у большинства населения нет доверия. Поэтому, как показали наши контрольные опросы, о них в ходе массовых опросов респонденты просто не вспоминают. В теории социальных движений эти «инициативы» получили название контрдвижений. В-седьмых, массовые шествия и митинги, на чем рядовые граждане могут фиксировать свое внимание, сегодня уже редки — гражданский активизм уходит в социальные сети. А там, как известно, провести массовый опрос «общественного мнения» просто невозможно. В-восьмых, ни членам НКО, ни группам волонтеров реклама в СМИ не нужна. Они делают свое дело, имеют свою сеть поддержки и ресурсного обеспечения, и им больше ничего не нужно. Принцип: «у природы везде должны быть свои люди», когда-то сформулированный лидерами студенческого движения охраны природы, по сей день является наиболее эффективным. Поэтому активисты социальных движений в своей массе — непубличные люди, хотя действуют весьма быстро, адресно и эффективно. В-девятых, государство действительно последовательно стремится интегрировать ранее независимые инициативы и движения во властные и провластные организации. Наконец, есть гражданские организации, которые реально нуждаются в публичности и рекламе. Это, прежде всего, благотворительные организации. Им реклама и публичность их активистов приносит свои плоды, хотя анонимные прозрачные ящички, которые стоят в магазинах и аптеках, часто вызывают у массового потребителя недоверие. Так что надо, как минимум, различать *истинное* и *сконструированное* знание о предмете.

Об инструментарии. Знание о целях, формах и результатах социального активизма является фундаментальным для социологии и политических наук. Но это знание именно о формах и методах гражданского активизма, его влиянии на бизнес и политику, а не о состоянии и общих тенденциях в массовом сознании нации. Российская (дореволюционная) традиция с наложением на нее советского и западного теоретического инструментария создали терминологическую неразбериху, которая тянется и по сей день. Социальный активизм, общественный активизм, гражданское и общественное участие, общественные организации, неформальные возможности и низовая самоорганизация, волонтерство, инициативная общественная активность граждан — вот такой набор терминов и понятий используется всего лишь в одной короткой статье на тему общественного активизма [Реутов, Колпина 2014: 14–18]. Рамки статьи не позволяют сделать тезаурус понятий, наиболее употребительных в данной сфере социального знания.

Но все же социальный активизм не обязательно принимает форму общественного, т.е. публичного, действия. Есть масса форм скрытого социального, в т.ч. разрушительного, подрывного активизма, но также и индивидуального, принимающего форму «личного» волонтерства (по-старому, добровольчества). Далее, общественное участие может быть сугубо массовым — толпой, а не личным выбором и волеизъявлением, т.е. не гражданским в строгом смысле слова. Наконец, что такое «инициативная общественная активность граждан»? Значит, есть и безынициативная общественная активность? Но тогда это просто мобилизация.

Что говорит опыт моих многолетних исследований в сфере гражданского активизма? Прежде всего, надо на некоторое время стать историком науки в данной области социологического знания, понять, кто был его основными создателями и носителями, в каком направлении эволюционировало это знание. Затем —

«вжиться» в проблему, понять ценности и мотивы активистов, характер задач, возникающих перед ними, круг сил, с которыми им приходится взаимодействовать, ограничения, налагаемые на инициативу или движение извне. Потом – определить конкретную цель своего исследования. Одно дело, если меня интересует эволюция, например, экологического движения в СССР/России. И совсем другое, если я хочу изучить причины и результаты конкретного социально-экологического конфликта, в который данное движение было вовлечено.

Кстати, ежегодные встречи на оз. Селигер есть форма государственно-общественного партнерства. Президент РФ и эксперты общаются (встречаются, дискутируют) с молодыми активистами, а те демонстрируют им и другим участникам форума свои идеи и разработки, выполненные как инициативные проекты.

Роль лидеров. Понимание социальной роли и общественно-политической значимости гражданских инициатив и социальных движений невозможно без исследования проблемы их лидерства, чего также невозможно путем массовых опросов. Как отмечает К. Гаджиев, общество «не может быть жизнеспособным без неких сверхличных идеалов, ради которых каждый отдельно взятый индивидуальный гражданин готов жертвовать своей жизнью. Любой идеал для своей защиты требует героев и мучеников. Иначе человечество не имело бы прометеев, икаров, и иисусов» [Гаджиев 2014: 24]. Лидер есть стержень и мотор любой инициативы, массовой кампании и социального движения. Но, как было выяснено эмпирически, правильной говорить о лидирующем ядре, являющемся движителем всякой инициативы.

Если говорить только о российском экологическом движении, то в нем в течение почти 50 лет существовало не менее 6 разных (по ценностной ориентации, стратегии, тактике и репертуару действий) направлений. Это консерваторы (занятые только охраной природы), альтернативисты, традиционалисты, анархисты, технократы и политики [Яницкий 1996; 2013]. Все эти группы действовали как раздельно, так и совместно. Так или иначе, у всех у них было общее лидерское ядро. Проанализировав деятельность таких ядер на протяжении двух десятков лет, мы пришли к выводу, что их разнообразие теоретически укладывается в дихотомию типов «лидеры рациональные и харизматические». Здесь мы не касаемся типологии лидеров криминальных сообществ и сект, поскольку их практически нет в российском экологическом движении.

Для первого типа характерны рациональность мышления и действия, трезвый расчет сил и ресурсов, стремление получить максимум информации о потенциальных и реальных союзниках и противниках, грамотность в отношении стратегии и тактики предстоящих действий. Они, как правило, законопослушны, действуют в рамках местных неписаных правил и обычаев, но одновременно критичны по отношению к существующему социальному порядку. Лидеры первого типа, как правило, биологи и представители других естественных наук, для которых рациональный стиль мышления и действия является нормой. Они постоянно рефлектируют по отношению к себе и своему непосредственному окружению и готовы учиться. За 20 лет наблюдения они коренным образом изменили свою ценностную позицию. В 1960–80-х гг. рационалисты были убеждены, что поскольку они – профессионалы, то «они всегда знают лучше». Сегодня их лозунг иной: «Вместе с народом будем бороться за охрану природы и гражданские права и свободы». Второй, харизматический тип почти всегда является идеологом движения, им руководят нравственные ценности, которые он стремится транслировать не только в свою лидерскую группу, но и в общество и во весь мир. Он по преимуществу глобалист, поскольку исходит из принципа, что в природе и обществе «все связано со всем, и все куда-то попадает» (Б. Коммонер). Просвещенные харизматики всегда привлекают к себе массу людей, особенно из провинции, которые стремятся найти свое место в жизни. В пределе харизматики – это те самые прометеи и икары, о которых говорил Гаджиев. Для обеих групп характерны честность, искренность, жажда справедливости и доброты, тяга к истине, трудолюбие и искренняя любовь к Родине и ее природе, бескорыстное следование идеалам, причем идеалам не навязанным, а собственным.

В экологическом и других социальных движениях всегда есть своя элита. Если в период перестройки она представляла собой некое «единство в разнообразии», то со временем эта элита также разделилась на две группы. Рационалисты, обладавшие естественнонаучными знаниями, хорошими организаторскими и коммерческими способностями, тяготели к контактам с крупными международными экологическими организациями, такими как Фонд охраны дикой природы и Гринпис (и их к ресурсам). Впоследствии наши рационалисты создали российские филиалы этих международных организаций и фактически перестроили свою деятельность по их образу и подобию, распространив принципы их деятельности и организации на все местные филиалы. Они организовывали летние школы и курсы, посылали своих активистов за границу, учили местные инициативные группы подчету и мобилизации ресурсов (*fund-raising* и *resource-mapping*). Харизматики, в особенности выходцы из российской глубинки, были плотью от плоти своей среды обитания — природной и культурной. Они вели борьбу за сохранение их среды обитания во что бы то ни стало, потому что это была борьба за выживание, за сохранение той среды обитания, которая их кормит и поит. Такая бескомпромиссная борьба была характерна для лидеров коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Эти лидеры как никто другой видели, как исчезает их уникальная культура и столь же уникальное разнообразие природной среды. Если первых можно назвать политическими авторитетами (авторитетами в экологической политике), то вторые были прежде всего нравственными авторитетами.

Соответственно, различались и способы достижения целей. Если рационалисты, овладев технологиями социального действия, заимствованными, прежде всего, у своих западных коллег, строили свои проекты по иерархическому принципу (руководитель проекта — его менеджер — исполнители), то харизматики, опираясь на местный опыт (социальный и культурный), действовали, прежде всего, малыми группами единомышленников, часто не обладая практически никакими материальными ресурсами. Если для первых результатом был отчет, презентация, карьерное продвижение, возможность получения новой порции ресурсов для последующих проектов, то для вторых главным итогом было, прежде всего, моральное удовлетворение от исполненного долга. Для последних такое понятие, как карьера, отсутствовало вовсе.

Транснационалы и местные. Эта линия размежевания вообще никак не отражается в массовых опросах, потому что в привычных группировках типа «малый город» и «большой город» могут быть и те и другие. Вот их основные различия.

1. Первые — ресурсно-обеспеченные — имеют собственную разветвленную сеть междисциплинарных проектов; вторые — это группы и движения «одного пункта».

2. Первые все чаще обслуживают власть и крупный бизнес или, по крайней мере, сотрудничают с ним; вторые нацелены на разрешение местных социально-экологических конфликтов с целью сохранения уникального местного ландшафта, создания условий для неистощительного землепользования.

3. Первые ориентированы на переговоры и поиск компромисса с властными структурами, тогда как вторые вынуждены отстаивать интересы местного населения во что бы то ни стало, поэтому социально они более радикальны.

4. Первые все более становятся бюрократами от экологии, занимаются распределением финансовых потоков, не забывая и о себе.

5. Большинство «рациональных» экологов суть выходцы из академической, но также и из партийно-комсомольской среды, а позже — из числа «новых русских». Хотя транснационалы структурно являются глобалистами, но по сути они корпоративно ориентированы. Местные же, хотя по роду своей активности являются «локалистами», по существу — глобалисты, т.к. понимают уникальность «места», каждого вида растений или животного. Они тем более «локалисты», т.к. очередного присланного из центра начальника какие-то там местные жучки, козявки и даже национальные святыни (горы, рощи, камни) никак не интересуют.

6. И те и другие включены в транснациональные сети, но по-разному. Рационалисты, управляя финансовыми потоками, стремятся сохранить свой международный статус, тем самым дистанцируясь от многих неотложных местных проблем.

7. Рационалисты зависят от успеха фандрайзинга, тогда как харизматики исходят из того, что нужно сделать именно здесь и сейчас, иначе уникальная экосистема будет утеряна безвозвратно. Этот тип лидера честен, искренен, пользуется уважением своих коллег-активистов, его мнение воспринимается не как директива, а как нравственно мотивированная рекомендация, побуждающая к защите «малой родины». Любовь к ней — весьма сильный побудительный мотив, а необходимые знания он получает в самом процессе своей экологической активности (*learning by doing*).

8. Само время для этих групп течет неодинаково. Рационалисты ориентируются на «поточное время», т.е. время, детерминируемое финансовыми и информационными потоками, тогда как для харизматиков важно прежде всего течение «местного времени» в человеческом сообществе и самой природе. Иначе местные экосистемы и населяющие их малые народы рискуют превратиться в «памятники культуры».

9. Утверждение, что «в России и Украине является дефицитом социальная солидарность, причем на разных уровнях — от социетального до локального» [Реутов, Колпина 2014: 16], ошибочно в отношении экологического движения. Сомнительна и позиция, что общественный активизм осуществляется «преимущественно на безвозмездной основе» [Реутов, Колпина 2014: 16]. Сегодня экологическое, равно как и благотворительное движение в высокой степени солидарны, и они не могли бы и шагу ступить без постоянного притока финансовых и иных ресурсов. И уж совсем удивительным является утверждение, что «нежелание и неспособность выйти за рамки семейного дискурса предопределяют и неготовность к массовой самоорганизации за пределами семейно-родственных и клановых структур» [Реутов, Колпина 2014: 16]. Прессинг государства и его силовых структур, а не «семейный дискурс» — вот основная причина трудности массовой самоорганизации сегодня. Тем более удивительно, что на следующей странице те же авторы солидаризируются с точкой зрения, согласно которой наблюдается рост интереса к разнообразным неформальным возможностям низовой самоорганизации, волонтерству, движениям «одного требования». Что же касается именно российского экологического движения, то оно самоорганизовалось более чем полвека назад, еще в советское время.

Рассмотренные типы лидеров и их групп различны, но не антагонистичны. «В целом, если транснационалы суть корпоративно ориентированные экологические глобалисты, озабоченные рационализацией потребительского общества “по возможности”, то местные могут быть квалифицированы как альтер-глобалисты, озабоченные объединением всех местных сил для сохранения уникальных экосистем и защитой прав коренных народов во что бы то ни стало» [Яницкий, Давыдова 2009: 55].

Эволюция социального активизма. В этом вопросе эвристический потенциал массовых опросов еще более ограничен. Если даже опросная сеть не меняется (хотя это маловероятно: респонденты мигрируют, стареют, умирают), то ряд последовательных опросов за период от нескольких месяцев до 2–3 лет может дать лишь представление лишь об изменении пропорций между «да», «нет» и «не знаю». Но о динамике социального активизма населения и, тем более, об изменении ценностных предпочтений активистов массовые опросы ничего сказать не могут. Между тем за последние 5–8 лет все явственней наблюдается процесс угасания «классических» массовых социальных движений и разделение социального активизма на две ветви. Одна — это все более многочисленные и разнообразные по своим функциям НКО, другая — это развитие волонтерского движения.

Российские НКО — хорошо изученная форма социального активизма. А вот о волонтерском движении надо сказать подробнее. Во-первых, есть волонтеры государственные и гражданские. Государство сегодня активно формирует, обучает и спонсирует активистов — помощников ведомств и прогосударственных общественных организаций — для поддержания порядка на массовых мероприятиях (форумы, олимпиады, универсиады) [Шакирова 2014; Яницкий 2014]. На Олимпийских играх в Сочи (2014 г.) работали 25 тыс. волонтеров, перед этим сотни из них прошли тренинг на Олимпийских играх в Лондоне в 2012 г.

Во-вторых, есть волонтеры лишь «помогающие», т.е. участвующие в государственных и честных спасательных акциях, и есть те, кто представляет собой новую форму социального активизма. Эта последняя фактически представляет собой возрождение низового активизма (*grassroots*), но по сравнению с *grassroots* 1990-х гг. гораздо более профессионально и организационно подготовленного. В-третьих, эти новые формы волонтерства мобильны, гибки структурно и многофункциональны. В-четвертых, поиск форм самоорганизации и легализации, столь характерных для 1990-х — начала нулевых годов, для них давно пройденный этап. Сегодня критериями их активности являются скорость реакции на «запрос», мобилизация хорошо подготовленного контингента гражданских спасателей через социальные сети, поисковиков, врачей и т.д. Это также их способность оказывать квалифицированную и адресную помощь, коммуникабельность, умение переключаться с жизни в обычных условиях к действиям в условиях катастроф, навыки самоорганизации в критических условиях. Важны также их обеспеченность амуницией и умение ориентироваться на незнакомой местности. Когда риски и опасности становятся все более разнообразными, волонтерам волей-неволей приходится овладевать искусством «мастера на все руки». Если в прошлом низовые гражданские инициативы такого рода были, как правило, локальными, то сегодня они постоянно расширяют ареал своей деятельности. Фактически волонтерские организации превращаются в одну из форм гражданской обороны и одновременно — срочной помощи жертвам войн и катастроф, где бы они ни находились. При этом, повторюсь, альтруизм и жертвенность — индивидуальное действие, не противоречащее идее свободного индивида. Волонтерство в его высшем нравственном значении, в терминологии П. Сорокина, есть «неэгоистическая творческая любовь, которая ...представляет собой потенциально огромную силу» [Сорокин 1992: 139].

По целям и функциональной организации волонтеры разделяются на поисковиков, спасателей, «реабилитантов», защитников гражданских прав и свобод, добровольных помощников по уходу за пострадавшими (в больницах, хосписах и др.). Во всех этих видах добровольческой активности есть теневая сторона: «черные копатели», «примазавшиеся» с тем, чтобы в очередной раз попиариться, и «безбилетники», т.е. «прилипалы» (*freeriders*) [Яницкий 2014].

Наконец, что уже совсем недоступно массовым опросам, так это морально-этический аспект добровольческого движения. А это, как выясняется, сегодня ключевой вопрос не только для обществоведов, изучающих гражданскую активность, но и для определения путей развития общества в целом, особенно в посткризисных (посткритических) ситуациях. Речь идет о роли добровольчества в культивировании идеалов доверия, человеколюбия, взаимопомощи и справедливости. Это, в свою очередь, означает сознательный отказ от индивидуалистических и потребительских ценностей в пользу ценностей гражданственности, добра и социальной солидарности. Реутов и Колпина утверждают, что после кризиса в Украине в ближайшее время, вероятно, произойдет понижение уровня «межличностного и институционального доверия. Практики общественного активизма будут носить очаговый характер» и «будут сосредоточены в основном в пределах неформальных групп и организаций, имеющих доктринальный характер, в т.ч. националистических» [Реутов, Колпина 2014: 18]. «Очаговый» — это возможно, но вряд ли весь юго-восток Украины можно назвать «очагом». Возможно, что активизируются «доктринальные» и «националистические» группы. Однако если речь идет о волонтерах, то, как показали эмпирические исследования, платой населения волонтерам за их безвозмездный труд был самый высокий уровень доверия к ним по сравнению со всеми другими категориями спасателей и их помощников¹.

Наконец, волонтерство (точнее, добровольчество), безвозмездная помощь больным, раненым, обездоленным — неотъемлемая часть русской и советской гражданской культуры. Нет ничего удивительного в том, что добровольцы, равно как и меценаты, благотворители и другие жертвователи, сотрудничали с государством. Добровольцами были не только члены монарших фамилий. Добровольцами были

¹ Костюшев В.В. 2012. Социология бедствия. — *Новая газета*. 28 авг. С. 9.

Джузеппе Гарибальди и мать Тереза. Для А.И. Герцена, И.С. Тургенева добровольчество — одна из центральных нравственных идей их творчества. Вопреки распространяемому сегодня мнению, что анархизм — почти синоним экстремизма, послушаем главного русского анархиста П. Кропоткина. В своей работе «Взаимопомощь как фактор эволюции» он писал: «...на какой бы низкой ступени умственного развития ни стоял человек, ...он все-таки считает добром то, что полезно обществу, в котором он живет, и злом то, что вредно этому обществу» [Кропоткин 1991: 295].

Подведем итоги. Когда-то наш великий физик, Нобелевский лауреат академик Лев Ландау сказал, что метод важнее теории, потому что правильный метод позволяет делать новые открытия и углублять уже имеющиеся знания. Я критически отношусь к методам массовых опросов как к инструменту познания гражданского активизма, т.к. они дают слишком общие, агрегированные и статичные «картинки» общественной жизни, порождающие слишком приблизительное, а то и неверное социально-политическое знание. Жизнь общества слишком подробно, многообразна и все более динамична, все менее предсказуема, а «дьявол всегда кроется в деталях».

С методологической точки зрения желательно работать в какой-то одной системе взаимосвязанных понятий. Это не только требование «методологической чистоты», но и социально-политический императив, позволяющий облегчать взаимопонимание между учеными разных гуманитарных дисциплин, переводить на язык социологии и политики результаты естественнонаучных исследований, а также доводить свою точку зрения до своих зарубежных коллег. Если же исследователь хочет ввести какое-то новое понятие или пересмотреть значение уже употребляемого термина, то он обязан обосновать свою новацию.

С теоретической точки зрения для изучения общественного активизма в России или за рубежом необходимо следить одновременно за эволюцией его принципов и форм социального действия и той рефлексией, которая совершается в научном сообществе по этому поводу. Как и в естественных науках, парадигматика в данной сфере социально-политического знания изменяется. К сожалению, в российской общественной мысли в области гражданских инициатив и движений понятийный аппарат до сих пор не отработан, и борьба между «западниками» и «славянофилами» продолжается. В связи с наметившимися трендами контрглобализации вполне возможно, что в России и других регионах мира потребуется свой особый теоретико-методологический аппарат.

В любой науке есть правило: эмпирические (экспериментальные) методы изучения должны соответствовать задаче исследования и структуре изучаемого субъекта. В нашем случае для изучения гражданских инициатив и социальных движений метод массовых опросов общественного мнения наименее адекватен. Мой 30-летний опыт изучения теории и практики социальных движений говорит, что наиболее эффективным методом здесь является системный подход, т.е. лонгитюд (длительное наблюдение), соединенный с анализом документов, продуцируемых движением, а также методы глубинных интервью, построение хроник динамики движения. Необходим также контроль результатов исследования посредством метода изучения случая (*case-study*) тех социальных ситуаций и политических конфликтов, в которые вовлечены гражданские активисты. Идеально, когда исследователь может попеременно играть роли стороннего наблюдателя и инсайдера. Фактически речь идет о сочетании разных методов качественного анализа, осуществляемых специалистами высокой квалификации, в то время как массовые опросы дают, как правило, искаженную картину или «среднюю температуру по госпиталю».

Наконец, результаты исследования должны быть доступны не только социологическому сообществу, но и более широкой аудитории (публике). К сожалению, у нас никак не прививается практика публичных лекций сразу же по окончании научных сессий и секционных заведений. Еще 30 лет назад я наблюдал в Барселоне, сколь высоким был интерес рядовой публики к итоговому докладу М. Кастельса по результатам только что закончившейся международной конференции «Большие города мира». Общества «Знание» больше нет, но есть же Российский союз социоло-

логов и такое же общественное объединение в сфере политологии. У населения надо возбуждать интерес к доступному социологическому знанию. Поэтому здесь я целиком на стороне М. Буравоя, который говорит о том, что публичная социология, т.е. социология для людей (*public sociology*), может быть только результатом пересечения, взаимодействия академической социологии и поля политики (*political field*) [Burawoy 2014].

Список литературы

- Гаджиев К.С. 2014. Перспективы демократии в век информационной революции. – *Власть*. № 8. С. 19-27.
- Кропоткин П.А. 1991. *Этика: избранные труды*. М.: Политиздат. 496 с.
- Реутов Е., Колпина Л. 2014. Общественный активизм в России и на Украине. – *Власть*. № 8. С. 14-18.
- Сорокин П.А. 1992. Моя философия – интегрализм. – *Социологические исследования*. № 10. С. 134-139.
- Шакирова А. Универсиада 2013: взгляд изнутри. Доступ: <http://cpei.tatarstan.ru/gus/index.htm/news/225994.htm> (проверено 20.02.2014).
- Яницкий О.Н. 1996. *Экологическое движение в России. Критический анализ*. М.: Институт социологии РАН.
- Яницкий О.Н., Давыдова С.И. 2009. Лидеры российской экомодернизации. – *Общественные науки и современность*. № 4. С. 46-57.
- Яницкий О.Н. 2013. *Социальные движения: теория, практика, перспектива*. М.: Новый хронограф. 360 с.
- Яницкий О.Н. 2014. Волонтеры: государственные и гражданские. – *Социологическая наука и социальная практика*. № 1(5). С. 71-89.
- Arsenault A., Castells M. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. – *International Sociology*. No 23(4). P. 488-513.
- Burawoy M. 2014. Introduction: Sociology as a Combat Sport. – *Current Sociology*. No 62(2). P. 140-155.
- Nelissen N. 1991. Methods of Public Participation in Western Europe. Experiments with Public Participation in West European Municipalities. – *Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment* (T. Deelstra, O.Yanitsky, eds.). Moscow: Mezhdunarudnye Otnosheniya. P. 53-69.

YANITSKY Oleg Nikolaevich, Dr.Sci.(Philos.), Senior Researcher of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, Moscow, Russia, 117218; oleg.yanitsky@yandex.ru)

PUBLIC ACTIVISM IN RUSSIA: TODAY AND YESTERDAY

Abstract. The author notes that the mass opinion surveys are inadequate instrument for the studies of civil activism. Basing on his long-term research in the field of grassroots, mass campaigns and social movements in Russia and abroad (in the period from 1989 till 2012), the author demonstrated that civil activism in Russia is still more diverse in its scope, strategy, tactics and action repertoire than the recent mass opinion surveys shows. Of course, the level of this activism is much lower than in the years of «perestroika» (in 1986–1991) but this activism is in a permanent process of transformation. The use of IT-technologies provides a new impetus for grassroots and public activism. Despite the growing pressure of the process of codification of the bottom-top activism and sanctions of the state, civil activism in Russia is still viable.

Keywords: civil activism, public space, social networks, state, strategy, tactics and action repertoire
